

РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

МИСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Ведьмин клад	Слеза ангела
Волчья кровь	Старинный орнамент везения
Время черной луны	Третий ключ
Дом у Чертова озера	Музы дождливого парка
Лунные драконы	Хозяйка колодца
Паутина чужих желаний	Лабиринт Медузы
Пепел феникса	Темная вода
Печать василиска	Снежить
Проклятый дар	Девятый ангел

«САМАЯ ТЕМНАЯ НОЧЬ»

Самая темная ночь
Час перед рассветом

«ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма

«ТАЙНА СТАРОГО ПОМЕСТЬЯ»

Девушка с серебряной кровью	Змеевы дочки
Приди в мои сны	Зов серебра Не буди ведьму
Сердце зверя	Ведьмин круг
Проклятое наследство	Беги, ведьма

«ВРАНОВА БАШНЯ» «СВЕЧНАЯ БАШНЯ»

Вранова погоня	Свечная башня
Сердце ночи	Светочи тьмы

«ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот Гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака
Один сон на двоих

«МАРЬ»

Марь
Марионеточник

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ВОЛЧЬЯ КРОВЬ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Редактор серии *Е. Дмитриева*

Оформление серии *Е. Петровой*

Корсакова, Татьяна.
К69 Волчья кровь / Татьяна Корсакова. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-211166-2

Их венчали волчьим кольцом. Да только бедой обернулось это венчание: разве гоже благородному господарю иметь жену — кочевую цыганку? Вот и залила стены замка алая кровь, вот и обрушилось на него проклятье, а в окрестностях появилась призрачная волчица со своей безжалостной стаей. Прошли века, и в замке готовится новая свадьба, но будет ли она счастливей прежней?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211166-2

© Корсакова Т., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Полная луна, похожая на затянутый бельмом глаз, хитро щурясь, крадетя по ночному небу полуслепым свидетелем.

Конь под Вацлавом всхрапывает, взвивается на дыбы, испуганно гарцует на узкой горной дороге. Впереди брешут собаки, радостно, нетерпеливо. Значит, загнали добычу, ждут хозяина.

— Вперед! — Плеть со свистом опускается на взмыленный бок жеребца, стремяна упираются в крутые бока. — Вперед, я сказал!

От бешеной скачки звон в ушах, и ветер цепляется за волосы, силится догнать вороного. Пустое! Другого такого скакуна во всех Карпатах не сыскать, за него столько золота уплачено, что до сих пор от мысли этой дух занимается. Самый лучший конь, самый неприступный замок, самая красивая женщина. Была, пока не надоела...

А гончие заходятся лаем все ближе, скоро, видать, конец охоте. Эй, прибавь-ка, вороной!

Женщина жметя к скале, мечетя серой тенью посреди собачьей своры. Красивая, даже сейчас, в порванном платье, простоволосая, со сбитыми в кровь босыми ногами, красивая... Заметила

его, бросилась под копыта вороному, вцепилась в стремя.

— Вацлав, отпусти! — Голос хриплый, сорванный от крика, а глаза — синими звездами. Вот за эти глаза он ее когда-то и полюбил, не смог пройти мимо. Да только не любовь то была! Колдовство и морок! Он — граф Закревский, единовластный господарь здешних мест, а она кто? Безродная цыганка, волчья кровь...

— Уходи! — Плеть взмывает в воздух, и вороной привычно вздрагивает. Цыганка тоже вздрагивает, закрывает лицо руками, захлебываясь криком от боли. — Уходи! Беги! Коли убежишь — живи!

Куда бежать? Позади скала, впереди он и гончие. А коли и прорвется, так его люди не выпустят, потому как у них наказ, послушаться которого никто не посмеет.

— Тогда сразу убей, не мучай! — В синих ведьмовских глазах мольба, слезы, точно самоцветы, так и хочется коснуться рукой мокрой нежной щеки. Наваждение, опять наваждение...

— Умри!

Свора повинуется приказу, срывается с места. Женский крик тонет в алчном зверином вое. Пусть она умрет, пусть освободит его душу из черного плена...

Вороной хрипит и мотает башкой, норовя сбросить. Плетью по крутому боку не глядя, не задумываясь, привычно отмеряя удар. Вот так, присмирел. А когда-то тоже был норовистый.

Цыганка больше не кричит. В темноте ни зги не видать. А слепая луна все ниже, тоже всматривается, запоминает. Пусть глядит, больше никто

не увидит. И не узнает. Кто мог рассказать, того уже среди живых нет. Или не станет скоро. Даже тех, кто в этой ночной охоте чужую кровь пролил. Богдан свое дело знает: тому — стрела в спину, этому — ножом по горлу, а кому, уже в замке, яду в молодое вино. И с Богданом потом нужно будет что-то решать. Это сейчас он, сводный брат, наипервейший его товарищ, а случись что — продаст, не пожалеет...

Собаки отползают от добычи с неохотой, припадают на передние лапы, скалят зубы, но повинуются. Потому что боятся. Его все боятся, на то он и Вацлав Лютый. А цыганка еще жива: хрипит порванным горлом, скребет ногтями сырую землю, смотрит глазами своими синими, силится что-то сказать. Интересно — что? Отец-покойник говорил, что предсмертные слова самые верные, непритворные. Оттого, видать, и не пустовали темницы в замке, а у палача не переводилась работа. Очень хотелось отцу знать последние, самые верные слова.

У цыганки лицо в крови, а поди ж ты, все равно взгляд не отвести от красоты ее сатанинской.

— Ну, что ты мне скажешь? — Встать на колени, чтобы лучше слышать, поймать последний вздох, коснуться разбитых губ.

Сказала... такое, что мороз по коже. И не верит он в эти сказки цыганские, а тревожно вдруг стало, холодом потянуло, точно из склепа.

— Зря ты так. Ох, зря! Могла бы легкой смертью умереть, а теперь уж что? Теперь не обесудь...

Рукоять меча привычно ложится в ладонь. Нет, не станет он ее убивать, не дождется она от него

такой милости. Он сейчас свое заберет, то, что в угаре любовном цыганке подарил...

Крик захлебывается, едва родившись, переходит в нечеловеческий какой-то клекот. Вот и все. Теперь можно уходить, только родовой перстень от черной крови оттереть да спрятать понадежнее, за пазухой.

Вороной испуганно всхрапывает, косит блестящим глазом, силится взвиться на дыбы. И псы попритихли, хвосты поджали. Что это? Знамо дело, что — ночь началась, волчья пора. Теперь до самого рассвета в горах иные хозяева. Вон уже и вой слышен совсем близко. Прощальный взгляд на ту, которая до сих пор кровь бередит, и — ветром в седло. Волки свое дело знают...

Луна катится по черному небу, задевает деревья щербатым боком. Луна все видела, да никому не скажет. А ему пора, столько дел впереди, к свадьбе нужно готовиться...

* * *

Погода выдалась мерзостной, от мелкого, точно пыль, дождя зонт совершенно не спасал. Только мешал, черт возьми!

Владислав Дмитриевич Закревский в раздражении посмотрел на своего телохранителя, который, пытаясь подстроиться под неспешный шаг хозяина, семенил рядом, придерживая над головой босса зонт.

— Гера, да убери ты это!

— Как скажете. — Зонт исчез, явив взгляду затянутое тучами небо. На лице телохранителя не дрогнул ни один мускул — привык, видать, парень за годы службы к хозяйским причудам.

Да не так их и много было! Эта первая за бог весть какой срок. Подумаешь, захотелось боссу прогуляться под дождем по свалке. Он ведь не один, а в сопровождении самых надежных своих ребят из службы безопасности. И Гера тебе не банальный носильщик зонтов, а спец, каких еще поискать.

На ботинки, утром начищенные до зеркального блеска, налипли комья грязи. Владислав Дмитриевич брезгливо поморщился, поднял ворот плаща, осмотрелся.

— Ну, где они? — спросил идущего по правую руку секретаря Вениамина.

— Скоро уже, босс. — Секретарь, с виду совершенно неприметный, какой-то куцый и, несмотря на дорогой костюм, непрезентабельный, но в особенно деликатных делах незаменимый, смахнул со лба редкую челку. — Вон за тот холмик зайдем, и будут.

«Холмик» представлял собой здоровенную смердящую кучу мусора. Владислав Дмитриевич тяжело вздохнул и, наплевав на рекомендации врачей, закурил. Дышать легче не стало, но на душе посветлело. А может, плюнуть на все эти запреты?! Что ж теперь, не жить, а мучиться?!

Задумавшись, Владислав Дмитриевич не заметил, как наступил на что-то скользкое, не поддающееся классификации. И ведь упал бы, если б не Гера. С привычной невозмутимостью телохранитель подхватил его под локоть и буркнул:

— Под ноги лучше смотрите, хозяин.

Подобную фамильярность Закревский позволял не многим, только самым близким, в том числе Гере, потому что тот уже не единожды доказал собачью свою преданность и желание служить верой и правдой.

— Куда тут смотреть? — беззлобно проворчал Владислав Дмитриевич. — Кругом же дерьмо! И чем дальше, тем гуще!

— Так они ж не селятся на окраине, — поспешил оправдаться Вениамин. — У них здесь свое собственное царство — помоечное. Сюда чужаки и не суются никогда, потому что опасно.

— Не рассказывай мне про это, — отмахнулся Закревский. — Ты свою работу сделал, с Косым связался, а дальше я уж как-нибудь сам разберусь.

Сказать по правде, разбираться с предводителем здешних бомжей Владиславу Дмитриевичу совсем не хотелось. Не то чтобы он боялся, что не удастся договориться. С его деньгами, да еще при мощной поддержке в лице восьмерых до зубов вооруженных молодцов глупо бояться какого-то мусорного короля. Скорее брезговал, не хотел мараться. А придется. В том деле, которое он задумал, грязи будет немало. Хорошо, если только грязи, если обойдется без крови. Сердце предупреждающе заныло, отвыкло, видать, от никотина. Владислав Дмитриевич нашарил в кармане пузырек с лекарством, сунул под язык таблетку.

— Все в порядке? — шепотом спросил Вениамин.

— Нормально.

— Так, может, без сигареты лучше?

— Лучше без идиотских советов.

— Простите, босс. — Секретарь замедлил шаг, отставая.

«Холмик» обходили минут двадцать. За это время Владислав Дмитриевич успел выкурить вторую сигарету, проглотить очередную таблетку, а еще вымокнуть с головы до ног. Теперь главное не простудиться и не слечь с воспалением легких. Что-то здоровье в последние месяцы ни к черту — старость, мать ее...

— Пришли, — раздался за спиной голос Вениамина. — Вон ту хибару видите? Это у них что-то

вроде королевской резиденции. Сейчас сыро, а когда солнце, перед ней кресло-качалка стоит, там Косой загорает.

— Что-то не похоже, чтобы нас здесь ждали. — Гера достал из кобуры пистолет, остальные ребяташки последовали его примеру. — Как бы чего не вышло. Мы тут как на ладони, а они в засаде.

— Не будет ничего плохого, — уверенно сказал Вениамин. — Я все оговорил и урегулировал. Просто дождь, вот и попрятались.

Точно в ответ на его слова, кособокая дверь, закрывающая вход в «королевскую резиденцию», с пронзительным скрипом распахнулась. Первым из хибары выскочил невысокий юркий мужичок в драной телогрейке и перевернутой козырьком назад бейсболке. В одной руке мужичок держал недогрызенный батон колбасы, во второй угрожающе поблескивал ствол. Вот тебе и помоечное царство! Тут вон каждая шавка с пистолетом.

— Ну что, Дымарь, притопали? — послышался из недр «резиденции» высокий, на границе между мужским и женским, голос, и вслед за мужичком на свет божий выбрался долговязый, одетый в черный кожаный плащ и фетровую шляпу парень. Поверх плаща на киношный гангстерский манер был накинут белый кашемировый шарф.

— Вот он, Косой! — шепнул Вениамин и решительно шагнул вперед.

Значит, Косой... Уж больно молодой для такой статусной должности. Сколько ему? Лет тридцать от силы, а уже гляди ж ты — мусорный король. Если верить сведениям Вениамина — а сомневаться в них нет никакого резона, — денег у Косого хватит на то, чтобы с максимальным комфортом обосноваться в Западной Евро-

пе, например, а он просиживает штаны в этом вонищем болоте, похоже, считая, что лучше быть первым среди шакалов, чем последним среди львов. Ну что ж, каждому свое.

— Добрый день, Евгений Иванович! — Вениамин время не терял, приблизился к Косому на почтительное расстояние и, опасливо косясь на пушку в руках коротышки, церемонно поклонился. — А вот и мой босс пришел, как было условлено.

— Условлено! — Косой, которого Вениамин назвал Евгением Ивановичем, недовольно поморщился. — Ты бы, старик, с собой еще отряд ОМОНа притащил.

Вообще-то каждый из ребятушек Геры стоил десятых омовцев, но сообщать об этом своему визави Владислав Дмитриевич не стал, растянул губы в вежливой улыбке, чуть кивнул головой.

— А чего тебе бояться, Косой? — спросил он с едва различимым, но многозначительным вызовом. — Ты же на своей территории. У тебя небось стрелков за каждой мусорной кучей понатыкано.

— Стрелков! — Косой, который при ближайшем рассмотрении и в самом деле немного косил, зашелся смехом. — Это ты, батя, загнул. У меня из стрелков вон один Дымарь. — Он похлопал коротышку по плечу, и тот, недобро ослабившись, взмахнул пушкой.

В ответ на этот жест ребятушки Геры мгновенно оцетинились стволами. Ну, точно Голливуд..

— Э! Спокойно! — Косой вскинул вверх руки, но по хитрющим глазам было видно, что он не боится, значит, и правда подстраховался. — Ты ж ко мне в гости пожаловал, с чистой душой и открытым сердцем, как говорится. А гостей мы не обижаем, особенно таких уважаемых. Дымарь, ну-ка спрячь пушку, не нервируй дорогих гостей!

Похоже, приказ босса коротышку не порадовал, но перечить он не стал и послушно сунул ствол в карман телогрейки.

— Не стоило вам, хозяин, сюда приходить, — проворчал Гера. — Вениамин Олегович как-нибудь бы сам...

— Тихо! — цыкнул на него Закревский. — Еще тебя не спросил, куда ходить, а куда нет. — И тут же совсем другим, почти отеческим тоном произнес: — Вижу, что ты гостеприимный человек, Косой. Да только некогда мне церемонии разводить. Ты подготовил то, о чем я тебя просил?

— Я-то подготовил, аж пять штук на выбор. — Косой смахнул с шарфа капельки дождя. — А ты, старик, о своем обещании не забыл?

— Не забыл. — Владислав Дмитриевич сделал знак Вениамину, тот протянул Косому бумажный пакет.

Вместо Косого пакет взял коротышка, вспорол перочинным ножиком, споро пересчитал деньги.

— Все правильно, босс, — сказал он, протягивая пакет Косому. — Как и договаривались.

— Ну раз так, — Косой спрятал деньги в карман плаща, — то, пожалуй, нечего нам тут под дождем мокнуть. Пойдем, старик, посмотришь товар.

«Товар» — слово-то какое мерзкое, точно он, Владислав Дмитриевич Закревский, не честный, всеми уважаемый бизнесмен, а наркобарон или сутенер. Ничего, придется потерпеть, на первых порах единственное, что ему нужно, — это конфиденциальность, а Косой за те бабки, что ему отвалили, рот не откроет. Ведь он только с виду гангстер голливудский, а на самом деле обыкновенный жадный сучонок, который за копейку лишнюю удавится. Владислав Дмитриевич покачал головой, многозначительно глянул на Геру, давая понять,

что теперь ухо нужно держать востро. Товар смотреть они будут явно не перед «королевской резиденцией», придется, видно, углубиться в эти смрадные трущобы, опуститься теперь уже на самое дно.

Так оно и вышло. Косой взмахнул рукой, и из-за ближайшей к «резиденции» кучи мусора выскочили три вполне заурядных бомжа. Именно так выглядят клошары, оккупировавшие все столичные вокзалы. Единственным отличием от городских собратьев был воинственный вид. Первый бомж сжимал в руке кусок арматуры. Второй, здоровенный детинушка, ростом не уступающий двухметровому Гере, точно невесомым прутиком поигрывал лопатой. А третий держал руки в карманах, но уж больно многозначительно, никак ствол прятал. Отребье, но организованное, вооруженное и оттого особенно опасное.

— Не бойсь! — Косой обнажил в улыбке крепкие белые зубы. — Это свита моя. Я ж мусорный король, мне без свиты никак.

Странное дело, но в словах Косого не было ни капли иронии, похоже, он действительно гордился своим сомнительным статусом.

— Стар я уже бояться. — Владислав Дмитриевич равнодушно пожал плечами. — Давай-ка покончим с дворцовыми церемониями да перейдем к делу. Времени у меня не очень много! — Он выразительно посмотрел на наручные часы.

— Ну, так оно ж понятно, такой уважаемый человек, занятой. — Косой продолжал ухмыляться, но взгляд его был сторожкий. Не привык лис помочный к деловым переговорам, везде подстава мерещится. — Прошу за мной! — Он развернулся на каблучках и, приглашающе махнув рукой, скрылся в тоннеле из мусора.

Владислав Дмитриевич, поморщившись, достал из кармана пачку сигарет.

— Надо было противогазы с собой захватить, — проворчал Гера.

— Молчи уж, умник! — Закревский закурил и не без внутреннего содрогания шагнул вслед за гостеприимным хозяином.

Слава богу, тоннель оказался коротким, да и состоял преимущественно из технического хлама, поэтому внутри воняло не особо. И на том спасибо, потому что мысленно Владислав Дмитриевич готовился к худшему.

По ту сторону располагалась очищенная от мусора утоптанная площадка, метров семь в диаметре, где стояли, сидели, лежали обитатели мусорного королевства. Появление Косого они встретили одобрителем гулом и улюлюканьем. Любят, что ли, своего короля?

Косой неспешной походкой пересек площадку, уселся в с виду совершенно новое кожаное кресло, закинул ногу за ногу. Дымарь пристроился сзади, за треном, и снова достал пушку. Колбаса к тому времени уже исчезла, видно, сожрал по дороге.

— Други мои! — Косой театральным жестом воздел к небу руки. — Други мои, поздоровайтесь с нашими гостями!

Ропот сделался из одобрительного недоуменным, бомжи зашевелились, придвинулись поближе, чтобы рассмотреть гостей получше.

— Черт, многовато их, — проворчал Гера, поглаживая торчащую из кобуры рукоять пистолета.

— Спокойнее, — предупредил Вениамин. — Не показывайте, что боитесь.

— Кто боится? — Телохранитель посмотрел на секретаря со смесью удивления и презрения. — По мне, так одним тараканом больше, одним меньше.

— Хватит, — вполголоса велел Закревский. — Сейчас заберем товар и уйдем.

— За товаром я мог бы и сам сюда наведаться. — Вениамин, стряхнув прилипшую к ботинку конфетную обертку, недовольно поморщился: — Зачем вам, босс, такие приключения?

А вот это неправильный вопрос, некорректный. Сплоховал Вениамин, никогда раньше лишнего не спрашивал, а тут нате вам. Будь дело не таким деликатным, Владислав Дмитриевич, не задумываясь, переложил бы эту грязную работенку на хлипкие плечи секретаря, но увы... Товар он просто обязан увидеть сам, еще до того, как произойдет сделка.

— Да вы не стойте, гости дорогие! — Косой куражился, играл роль хлебосольного хозяина. — Присаживайтесь!

Рядом с ним точно из воздуха материализовались два офисных кресла для Закревского и Вениамина.

— Что-то не хочется, — проворчал секретарь, но, заглянув в решительное и одновременно мрачное лицо босса, неуверенно шагнул к одному из кресел. Владислав Дмитриевич уселся слева от Косого, сказал с плохо сдерживаемым раздражением: — Где товар?

— Будет тебе товар! — Косой расплылся в благодушной ухмылке. — Может, накатим за знакомство?

«Хеннеси» с виду был самый что ни на есть настоящий, но рисковать Закревский не стал.

— Врачи запретили, — проговорил он коротко.

— Да, они такие, им бы только запрещать. — Косой сочувственно покивал, отпил прямо из горла и удовлетворенно крикнул: — Я вот, слава богу, без врачей пока обхожусь. Может, оттого, что на природе живу?

На природе! Прямо не полигон бытовых отходов, а SPA-курорт.

— Косой, у меня ведь и правда времени в обрез. — Владислав Дмитриевич загасил недокуренную сигарету и чуть не охнул: сердце сегодня расшалилось, мстило за никотин ноющей болью. Но на глазах у оппонента за лекарством не полезешь, придется терпеть.

— Все понял, батя! — Косой хлопнул в ладоши, и один из той троицы, что прежде сидела в засаде, вытолкнул на середину площадки пятерых женщин.

Впрочем, назвать эти грязные, вонючие, опустившиеся существа женщинами не поворачивался язык, в голове крутились лишь нецензурные эпитеты. Закревский в сопровождении Геры подошел к одной из бомжих. Тетке на вид было лет сорок: заплывший глаз, щербатый рот, грязное до омерзения тряпье. Не то! Вторая, третья и четвертая мало чем отличались от первой. Ну, разве что степенью деградации: пустые глаза, спитые лица, бесформенные фигуры. Пятая для его целей подходила лучше всего. Относительно молодая, лет тридцати, здоровая, по крайней мере внешне, но все с той же пустотой в выцветших старушечьих глазах.

— Это все? — Владислав Дмитриевич обернулся к Косому.

— А что, не нравится? — Тот тоже выбрался из кресла. — Ну, Манька с Ленкой уже, конечно, не кондичия, а вот Наташка с Анжелкой еще хоть куда. Забирай, старик, лучшего товару во всем королевстве не сыскать.

Да, точно. Да и что он хотел? Отыскать на помойке душистый цветок? Так ведь для его целей нужна именно такая, опустившаяся, деклассированная. Вот только бы помоложе... Владислав Дмитриевич уже было решил забрать пятую, когда внимание его привлекло молодое веснушчатое лицо. Сначала Закревский решил, что пе-

ред ним пацаненок, но только сначала. Не нужно особой фантазии, чтобы понять, что вот это одетое в дражные джинсы, трикотажную тинейджеровскую шапку и куртку не по размеру существо на самом деле баба. Причем молодая — идеальный материал.

— Я беру ее! — Закревский кивнул в сторону девчонки.

Под его тяжелым взглядом она сжалась, попытавшись спрятаться за спину рослого, тоже еще совсем не старого бомжа.

— Яську хочешь? — Косой озадаченно нахмурился. — Да на кой хрен тебе эта мелюзга?! Она ж зеленая еще, ни кожи, ни рожи. И в особых бабских делах не умеет ни хрена, можешь мне поверить. Анжелку бери, не прогадаешь. Ее отмыть да приодеть...

— Я возьму эту, — перебил его Владислав Дмитриевич.

— Так она в моем личном пользовании. — Видно было, что мусорный король темнит, что отдавать девчонку ему не хочется. — Яська хоть и неумелая, но перспективная.

Торгуется, сучонок!

— Удваиваю сумму. — Некогда торговаться. И без того день псу под хвост.

Девчонка тем временем начала пятиться. Еще сбежит, чего доброго.

— Утраиваю! — сказал Закревский с нажимом. — Не всякая машина столько стоит, сколько я тебе за бабу предлагаю.

В глазах Косого зажегся алчный огонь, в девчонкиных заплескался страх. Бомж, за спину которого она пряталась, недобро нахмурился, сжал кулаки.

— От сердца отрываю, — не выдержал искушения Косой. — Забирай!

В этот самый момент девчонка дала стрекача, а на бросившегося за ней следом Дымаря напал ее дружок. Дымарь, пропустивший удар, коротко хрюкнул и осел на землю, не помог ствол. Больше подойти к здоровяку никто не решался.

— Пусть мои люди разберутся, — Владислав Дмитриевич бросил вопросительный взгляд на Косого.

— Только это... чтобы без жертв, — велел тот и вернулся к своему трону.

Объяснять ребятушкам, как нужно действовать, не пришлось. Гера едва заметно кивнул двоим из своей команды, и те сорвались с места, раззадоренными псами закружились вокруг здоровяка. Еще двое бросились вслед за девчонкой. Гера и остальные четверо не спускали глаз с Закревского.

Здоровяк сопротивлялся отчаянно, со звериным воем крутился на месте, пытаясь не выпускать из виду Гериных ребятушек. Дурак, не знает, с кем связался. Исход битвы решился в считанные секунды, и дело было отнюдь не в количественном перевесе. Не за красивые глаза Закревский платил своей охране такие бешеные деньги.

Здоровяк заорал благим матом, принялся корчиться в грязи, стараясь вырваться, когда приволокли девчонку. Она тоже оказалась вся в грязище, видно, упала, когда удирала. Даже лицо, до этого вполне чистое, сейчас было не разглядеть. И рукав куртки ребятушки бомжихе оторвали, пока ловили. Верткая, похоже, девчушка. Еще секунду назад смиренная и смирившаяся с судьбой, завидев своего дружка, она завизжала, врезала одному из ребятушек коленом в пах, попыталась вырваться. Ишь, еще и боевая!

— Уроды! — прижатый к земле здоровяк уже не орал, а хрипел. — Косой, ты же обещал! — Он попро-

бовал было поднять голову, чтобы посмотреть на мусорного короля, но не смог, не дали ребятушки. — Отпусти ее!

— Может, и обещал. — Косой закинул ногу на ногу, расправил на груди шарф. — Да только сам должен понимать, тут же такие бабки. Да и не сделают они с твоей подружкой ничего плохого. Ведь не сделаете, а, батя? — Он подмигнул Закревскому.

Владислав Дмитриевич не ответил, коротко кивнул Гере и сказал уставшим голосом:

— Все, уходим.

— А денежки?! — всполошился Косой. — Денежки обещанные где?!

— Вениамин, рассчитайся!

Сил его больше нет находиться в этой клоаке, да и сердце разболелось не на шутку. А еще нужно как-то до машины добраться. Хорошо, хоть дождь кончился.

Дождаться секретаря Закревский не стал, кивнув на прощание мусорному королю, вслед за одним из охранников шагнул в туннель. За спиной послышался визг и недовольный ропот. Визжала девчонка, а роптали жители мусорного королевства. Надо же какие чувствительные...

Вениамин вместе с двумя охранниками догнал их на середине пути, пристроился по правую руку от Закревского, произнес, отдышавшись:

— Ох и рисковали вы, Владислав Дмитриевич! Это ведь упырь, а не человек, он же за деньги маму родную жизни лишит. А вы ему дали понять, что у нас с собой наличка.

— У нас с собой не только наличка, но еще и Геринны хлопцы. — Закревский потер грудь: сердце все никак не хотело успокаиваться, даже после лекарства. — Да и тебя мы без прикрытия не бросили.